

Ю.В. Клепикова

Историк или философ истории? Георгий Федотов о причинах революции и предназначении России

Юлия Валериевна Клепикова – аспирантка школы философии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: jklepikova@list.ru

В данной работе произведен анализ статей Георгия Федотова, опубликованных в период 1918–1930 гг., дающих представление о философско-исторической концепции Федотова, ее генезисе и особенностях формирования; осуществлена попытка проследить трансформацию научных интересов Федотова от истории к политической публицистике и философии истории – эволюцию мыслителя, оказавшегося в ряду русских интеллектуалов, которые прошли путь от «материализма к идеализму», а впоследствии и к религиозной философии. В статье уделено внимание работам отечественных и зарубежных исследователей творчества Федотова-мыслителя. Обсуждаются представления Федотова о предназначении России, ее месте в историческом процессе; ставится вопрос о возможности рассмотрения интеллектуальной эволюции Георгия Федотова в историко-философском контексте, расширяющем традиционный биографический подход в рамках сложившегося отечественного дискурса о творчестве мыслителя.

Ключевые слова: Георгий Федотов, философская публицистика, философско-историческая концепция, Россия, общество, эмиграция

1. Источники философского мышления и творчества

Г.П. Федотов может быть справедливо отнесен к плеяде мыслителей русского Серебряного века, представленных именами князей С.Н. Трубецкого и Е.Н. Трубецкого, о. Павла Флоренского, В.Ф. Эрн, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева. Все они, в той или иной степени, стали преемниками религиозно-философской традиции, заложенной И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым, мысль которых явилась попыткой опровержения немецкого типа философствования с опорой на сочинения Отцов Восточной Церкви. В этом опыте толкования истории и христианской традиции [Лосский, 2018, с. 447] увлечение русского общества немецким идеализмом Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля было отчасти уже пережито¹. Однако систематически

¹ Не стоит забывать, что русская власть вообще опасливо относилось к свободной мысли. Напомним показательный эпизод из истории русской философии, когда Галича вынудили оставить университет (1821 г.), ибо он предпочитал безбожника Канта Христу, а Шеллинга – Святому духу [Setschkareff, 1939].

развить на философской почве христианское мировоззрение, окрашенное в национально-культурные тона, удалось не славянофилам, а В.С. Соловьеву, первым в России создавшему систему религиозной метафизики, этики и философии истории. Решаемый Соловьевым вопрос о культурной общности России и Европы, христианском универсализме и национальной идентичности стал идейным источником для историософских построений его духовных наследников – авторов русского религиозно-философского ренессанса, многие из которых, как и Федотов, после революции оказались в эмиграции. Философско-историческая концепция религиозного мыслителя Соловьева послужила импульсом для разработки центрального историософского сюжета в обсуждении исторической роли России и пути ее цивилизационного развития [Жукова, 2014, с. 41–63]. Собственно, к этой традиции отечественной философии истории, восходящей к Соловьеву, а через него – к славянофилам, Чаадаеву, Пушкину и Карамзину, в большом времени интеллектуальной культуры России примыкает и Георгий Федотов.

Представляется, что, находясь в гуще трагических событий века, Федотов в своих работах 1918–1930 гг., посвященных русской революции, духовной и политической истории России, формирующих взгляд на прошлое и текущую современность, выстраивает религиозно-философскую концепцию истории, полагаясь в теоретических построениях, в том числе на первого философа истории – Блаженного Августина, историческое видение которого также во многом связано с ощущением слома эпохи – падением Рима. Перефразируя слова самого Федотова по поводу бл. Августина в его работе «Письма бл. Августина», о пути становления Федотова как философа истории можно сказать: «он растет на наших глазах. Что вчера было для него еще большим вопросом, сегодня принимает определенную формулу» [Федотов, 1996, с. 54]².

Федотов, как отмечено А. Менем, предпринимает успешные попытки анализа двух революций – Великой французской революции и Революции 1917 года в России, одним из первых объясняя, что Французская революция не была колыбелью свободы [Мень, 2018], и указывая, что только военный крах империи Наполеона спас от тоталитаризма XIX в. Европу. Л.А. Гаман [Гаман, 2006] уточняет, что Федотов воспринимал и трактовал революцию в России как событие длящееся. Именно это определяет отличие федотовских характеристик в отношении революции – Февраля и Октября, и затем и более позднюю оценку этих событий в России с середины и конца 1930-х гг.

Специально заметим, что воздействие русской религиозно-философской мысли на Г.П. Федотова в начале его творческого пути не очевидно. Лишь начиная с 1918 г. Федотов сближается с церковью, углубляются его христианские воззрения. До этого Федотов, являясь непосредственным участником революционных событий в России, тяготеет к лагерю леворадикальной интеллигенции и проходит свой особый путь духовной эволюции. Участь в Саратовской мужской гимназии, которую он позже с отличием закончил, Георгий Федотов черпает нигилистические идеи из современной ему публицистики, насыщенной нерелигиозным морализмом, подменяющим, как позже отметит С.Л. Франк в статье «Этика нигилизма», религию идеальных ценностей религией земных нужд [Франк, 1990, с. 219]. Так, Федотов, увлеченный социальными теориями, в 1904 г. поступает в Петербургский технологический институт, ведет пропагандистскую деятельность в рядах социал-демократов и является, подобно Бердяеву, Булгакову и Струве, горячим сторонником марксизма. Несмотря на арест в 1905 г., летом 1906 г. Федотов становится членом

² По всей видимости, опыт интеллектуальной и духовной трансформации величайшего мыслителя христианского мира оказался лично близок Федотову, испытывавшему похожий переход от неверия к вере.

комитета РСДРП в Саратове. Имея значительную поддержку от избирателей, он посредничает между Саратовской и Петербургской большевистскими организациями и подвергается повторному аресту, за которым следует высылка его в Германию на два года. Важно, что до ареста в августе 1906 г. Федотов подал прошение о переводе в университет на историко-филологический факультет [Антощенко, 2008, с. 157–168], куда ему удалось восстановиться после возвращения в Россию и зачесть семестры обучения в университетах Берлина и Йены. Подготовленная в этот период работа Федотова «“Исповедь” бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры» была высоко оценена в научных кругах. Однако его научная деятельность была прервана: краткосрочно арестованный в мае 1909 г., он летом 1910 г. подвергся обыскам. Находясь под постоянной угрозой новых арестов, он в 1911 г. выехал в Италию с соратницей Т.Ю. Дмитриевой.

Социальная справедливость – это центральная проблема, которой в 1905–1909 гг. занят молодой Федотов, считающий личным долгом осуществить вклад в искоренение социального неравенства. Говоря об этом периоде своей жизни в переписке с Т.Ю. Дмитриевой, Федотов сознается в озлобленности, присущей юному человеку. Завязавшиеся и продлившиеся более десяти лет дружеские отношения с единомышленницей, влюбленность, потребность самовысказывания в переписке становятся основанием для углубленного самоанализа и вдохновляют молодого Федотова на поиск правды не только социальной, но и духовной. Вошедшая в жизнь Федотова Татьяна Дмитриева, по существу, задала этот новый вектор духовного поиска будущего мыслителя. Рефлексия относительно взаимоотношений, сложившихся между молодыми людьми, отмечает А.В. Антощенко, стала первым шагом на пути выработки Георгием Федотовым собственного метода изучения истории. Его основу составила эмпатия [Антощенко, 2011, с. 297–308].

В письме от 4 мая 1918 к Дмитриевой Федотов, начиная понимать несостоятельность материализма, сообщает: «...я очень сблизился с церковью за время поста, но не вошел в нее и сохранил свою горькую свободу» [Федотов, 2008, с. 242–247]. В этом же году появляется статья Федотова «Лицо России» [Федотов, 1967]. Она исполнена покаяния перед Россией. Федотов пишет: «...вместе с Владимиром Печориным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее... умерла ли она? Все ли жива еще? Или может воскреснуть?» [там же]. В этой работе он делится ощущением эсхатологического конца, наступающего революционную Россию, – какой-то последней, как ему кажется, правды истории. «Верую во Христа грядущего, в новое христианство», – словно заклинание произносит Федотов. Современная исследовательница творчества Г.П. Федотова О.А. Жукова отмечает, что работа Федотова «Лицо России» впервые обнаруживает его культурфилософские идеи, демонстрируя расширение философской оптики автора [Жукова, 2017, с. 440]. Ключевым высказыванием Федотова можно считать слова: «Нам придется сочетать национальное дело с общечеловеческим. Мир нуждается в России. Сказать ли? Мир, может быть, не в состоянии жить без России» [Федотов, 1991, с. 46].

Переживая события революции, Федотов исполняется любви к родине, отказываясь от характерного для социальных радикалов и левой интеллигенции ее уничижения. Разочаровавшись в революционных идеалах, он все еще видит задачу в том, чтобы правдой социализма спасти мир, и отходит от «пролетарского интернационализма», осознав, что в исторической жизни народа творится высокая культура. Федотов призывает понять: позади нас не «история города Глупова, а трагическая история великой страны», которую предстоит написать заново [там же, с. 44].

Историческая истина, к установлению которой приступает Федотов со всей присущей мыслителю и профессиональному историку скрупулезностью, станет центральной темой его работ в эмиграции парижского периода, объединенных позднее в книгу «Судьба и грехи России» [Федотов, 1992].

Федотов не выпускает из сферы своего внимания ни одного фактора и значимого события, влияющего на общественные и политические процессы современной ему России, что, естественно, не остается незамеченным видными его современниками, формирующими общественную и идейную повестку дня. Ф.А. Степун отмечает отчужденность Федотова от людей «консервативно-православного склада» и зачастую с готовностью покровительственно выражает свою точку зрения на размышления Федотова, сочетающего православие с революционностью [Степун, 2017, с. 276]. Мысли и оценки Федотова явно не оставляют Степуна равнодушным, рассуждения Федотова вписываются Степуном в контекст собственных историко-философских размышлений, и порой кажется уместным обратиться к Ф.А. Степуну вопрос: найден ли им ключ к творчеству Федотова, насколько точно он понимает его мыслительные и духовные интенции? Не потерян ли этот ключ к прочтению поэта и философа Федотова, позволяющий прочитывать его с пользой [там же, с. 283]? По нашему мнению, ключом этим является восприятие, понимание и оценка присущего личности Федотова сочетания морального достоинства, требования нравственной и социальной правды, что становится для него вопрошанием исторической истины – своеобразной *научно-философской программой жизни*.

Большевистская революция прервала свободный расцвет духовной жизни эпохи Серебряного века и задала два противоположных вектора развития русской философии: в советской России – диалектический и исторический материализм, в то время как эмигрировавшие из России философы сосредоточились преимущественно на проблемах религиозной философии, обсуждая дальнейшую судьбу России – ее место и смысл существования в истории. Как и другие представители оригинальной школы русской религиозной философии, наделенные разносторонними талантами и обладавшие широкой гуманитарной и философской эрудицией, Г.П. Федотов был человеком энциклопедических знаний, подлинной образованности и разносторонних интересов, знатоком античной культуры. Федотов был хорошо знаком с работами немецких историков, курсы которых во время вынужденного отъезда он прослушал в университетах Европы, став восприимчивым к классическим образцам европейской интеллектуальной культуры. Немецких (И. Кант, К. Маркс, О. Шпенглер) и французских (Ж.-Ж. Руссо, А. Жюли, П. Абеляр) философов Федотов упоминает, обращается к ним в своих работах [Федотов, 2017, с. 6], [Федотов, 2004, с. 19], [Федотов, 1924].

Философская составляющая просматривается сразу в нескольких направлениях интеллектуальной эволюции Георгия Федотова. Это обстоятельство жизни и творчества одного из ведущих авторов русской эмиграции нашло отражение в современных биографических изданиях, представляющих его как религиозного мыслителя, основателя системы богословского образования, агиографа, историка, публициста христианско-социалистического направления, эссеиста, философа. Незаурядный литературный талант Федотова признавали его современники и единомышленники, отмечавшие его «литературное мастерство, тонкость и меткость суждений» (С.Л. Франк) [Кантор, 2006, с. 134].

Независимая позиция, бескомпромиссность в борьбе за истину, приведшая Федотова к конфликту с Правлением Свято-Сергиевского богословского института в Париже, едва не стоила ему профессорской должности в нелегкое время в эмиграции. О.А. Жукова, обращаясь к теме конфликта Федотова с руководством Свято-Сергиевского богословского института, отмечает: «Федотов оказался не чужд философско-политической публицистике, вызвав этим раздражение в эмигрантской интеллектуальной среде» [Жукова, 2017, с. 447]. Взгляды Федотова не совпадали с существующими в русской эмиграции идеологиями [Нижников, 2013, с. 47–53]. «Нравственно трезвый, независимо мыслящий» [Кантор, 2006, с. 141], он всю

жизнь был «вольнотрудящимся», так как независимо от времени, страны и города пребывания, занимаемой должности и мнения коллег служил истине, не угождая ни религиозным, ни политическим лидерам и соратникам, – писал о Федотове Франк [там же].

2. Метафизическое и историческое во взглядах Г.П. Федотова

Обращаясь к анализу эволюции взглядов Федотова на революционные события в России и России «пореволюционной», при рассмотрении позиций широкого круга его комментаторов мы все же воздержимся от констатации какого бы то ни было резкого поворота взглядов Федотова, в разное время отмечавшегося Ф.А. Степуном, М.В. Вишняком, А.В. Антощенко. Укажем только на изменения, отмеченные в себе самим Федотовым: первоначально он – юноша, «склонный к уединению», сочувствующий и сопереживающий революции, прочитывающий историю «как женщину»; затем – историк, прошедший испытание мистицизмом, но еще не философ. Лишь позже он по праву войдет в историю отечественной философской мысли как ярчайший ее представитель, благодаря работам, написанным уже в эмиграции.

Историософский вклад Георгия Федотова в первую очередь определяется тем, что он предложил, без преувеличения, альтернативный взгляд на причины, особенности и последствия Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Федотов указал точку соприкосновения обеих революций как событий, обусловленных страшной силой «энергии стихийного обвала» [Федотов, 1991–1992, с. 134] русской государственности, и подчеркнул принципиальные сущностные различия двух революций: «Февраль не только не породил Октябрь... но в противостоянии ему нашел себя» [там же, с. 136]. Федотов предлагает искать ответы на вопросы о различиях этих двух революций не в материальной, но духовной сфере, «не в анализе политических событий и творящих их классов, а в сознании возглавляющих их групп» [там же, с. 135]. Для него, современника революций, обладающего профессиональными знаниями историка-медиевиста, очевидно: пропасть эта была настолько велика, что (при отсутствии классов буржуазии и пролетариата в европейском понимании) причины происшедшей социальной катастрофы следует искать и исследовать в области духа.

Эту мысль Федотов подтверждает в статье «Изучение России», где формулирует: «Самые отношения между общественными классами становятся понятны лишь на фоне духовной жизни общества» [там же, с. 123–126]. С его точки зрения, «есть два рода политически активных идей, одни коренятся в глубине народного самосознания, оформляют могучие инстинкты, дремлющие в массах. Другие приходят с книгой, как готовый товар, “made in Germany”» [Федотов, 1929, с. 347]. К идеям второго рода он относит теорию классовой борьбы, привнесенную в Россию. Описывая реально существовавшие в России того времени сословия (иногда именуемые им классами), Федотов дает их обстоятельную характеристику, выявляет их ментальные и статусные особенности среди возможных мотивов поведения их представителей – участников революционных событий.

Анализируя «трагедию интеллигенции» в своей одноименной программной работе, впервые опубликованной в Париже в 1926 г., корень расхождения между исторической властью России и ее интеллигенцией Федотов усматривает в том, что она (интеллигенция) «вышла на политический путь из дворянских усадеб и иерейских домов – без всякого политического опыта, без всякой связи с государственным делом и даже с русской действительностью» [там же, с. 325], и прямо обвиняет ее в анархизме и безбожии.

Другое коренное противоречие, существовавшее, по мнению Федотова, уже в отношении власти и народа, он усматривает в том, что «консервативный религиозно-политический народ (крестьянство) не был благонадежен социально» [там же, с. 339]. Империя в течение двух веков жила «под судороги крестьянских бунтов. Это был нормальный ритм русской жизни, к которому государственные люди привыкли» [там же]. Основная политическая проблема России, с точки зрения Федотова, выкристаллизовывалась постепенно, в ходе трансформации, а точнее, расщепления дворянства на бюрократию, армию, интеллигенцию. Буржуазии Федотов и вовсе отводит аморфную «страдательную» роль, исключая ее из российского революционного движения: «Есть один факт в истории русского революционного движения – поразительный и необъяснимый, если его рассматривать по западноевропейской схеме. В этом движении не участвует третье сословие, буржуазия» [там же, с. 331].

Описанная Федотовым сословная структура российского общества начала XX в., на наш взгляд, значительно более адекватно отражает истинный уклад общественных сил и позволяет анализировать ответственность каждого сословия за события 1917 г., по-другому расставить политические и исторические акценты.

Причины революции в России, по мнению Федотова, созревали постепенно, длительное время, без очевидного прогноза скорейшего обострения ситуации. К моменту двух русских революций, как пишет Федотов, дворянство уже не играло ключевой роли в происходящих переменах. Именно с дворянства он начинает свой анализ сословной структуры общества революционной эпохи, так как считает его «мозгом и волей страны, с начала века строящим судьбу России». Дворянству Федотов выносит свой очевидный вердикт: «Дворянин, переставший быть политической силой, не делается и силой хозяйственной» [там же, с. 135] и даже становится поставщиком лишних людей.

Федотов определяет два основных источника Октябрьской революции: изнуряющая Россия Первая мировая война и глубокая аморальность «людей Октября», открывших «все шлюзы низким страстям» [Федотов, 1991–1992] в абсолютизации чисто социальных ценностей. Катастрофу революции Федотов усматривает в том, что идеи государства и его реализации у интеллигенции и власти совершенно различны: брошенные интеллигенцией заранее революционные лозунги сталкиваются со смутными инстинктами народных масс, их радикализмом, не оправдывающимся безрелигиозной идеей марксизма – идеей, не апеллирующей к внутреннему существу человека. «Марксистская проповедь», по мнению Федотова, обернулась деморализацией масс. Недальновидность и моральную ошибку интеллигенции он вслед за Струве усматривает в отказе от ее просветительской миссии по отношению к народу. Федотов отмечает имморализм политиков, упавший на «благодатную почву» имморализма общества в России того времени. «Ренессанс культуры не сказался еще ничем в ее сердце...» [Федотов, 1929, с. 359]. Федотов различает политический дискурс февралюстов и октябристов: «Февралисты говорили о жертвах, о долге, о родине и свободе; октябристы – о прекращении войны, о грабежах, о классовой мести» [там же].

Как интеллеktуал и мыслитель, обладающий моральной чуткостью и глубоко осознающий роль культуры для развития общества, Г.П. Федотов, оценивая происходящее, предвидел и понимал суть сталинизма как логического продолжения Октября. «Печатью этого имморализма отмечен весь Октябрь и его дело – вплоть до последних трансформаций Сталина» [Федотов, 1991–1992, с. 136]. В то время как за побежденным Февралем, по мнению Федотова, стояли тени подвижников и героев, из века в век проливавших свою кровь за освобождение человека, «Октябрь предъявил свой счет издержек: десятки миллионов трупов и десятки лет нищеты» [там же, с. 134–137].

Одновременно с этим Федотов как философ-антрополог не преуменьшает «значения личной ответственности в истории», где роковая и, по его мнению, несводимая к типическим факторам и воздействию групп роль отведена царю Николаю и Ленину: «...первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути» [Федотов, 1929, с. 359]. По сути, анализируя историю через дела и моральные поступки конкретных людей, Федотов вводит персоналистическое измерение истории, не выпуская из сферы внимания и общего движения «исторического».

Благородный патриотизм в сочетании с уникальной способностью и готовностью Федотова «видеть», как писал о нем Франк, и бесстрашно высказывать «горькую правду в интересах духовного отрезвления и нравственного самоисправления» [Кантор, 2006, с. 141] есть образец подвижнического служения истине и отечеству, понимаемый самим Федотовым как единственно возможный путь спасения человека и общества.

Особое восприятие исторического процесса обеспечивает Федотову возможность глубокого философского осмысления отечественной истории, которое отмечает в своих работах Ю.Г. Иваск. Уточняя эту оценку, правомерно подчеркнуть, что Федотов принадлежит к типу мыслителей, для которых конкретное историческое событие не существует обособленно, а находится в группе событий и многослойной связи их причинности: любое событие не считывается Федотовым отдельно, но всегда масштабируется в событие культуры, переносится в духовный план. Не будет ошибкой предположить, что здесь сказывается принцип усмотрения духовной вертикали – особой метафизической перспективы реальных событий, заимствованный Федотовым из исторической методологии изучения Средних веков – культуры религиозного традиционализма.

Уникальны методы исследования, используемые Федотовым, сочетающим интуитивное постижение национально-культурного бытия и беспристрастный анализ исторической и социальной реальности. Научно аргументированные суждения Федотова-историка, эмоциональность и емкость высказываний Федотова-публициста, с одной стороны, а с другой – позиция глубоко правдивой до самоотверженности нравственной личности автора книги «Судьба и грехи России» обеспечивают мыслителя необходимым инструментарием для создания его философски продуманных работ. В них он как исследователь «не должен знать, где истина, до самого конца своего исследования», но в итоге и ухватывает суть проблемы, и обретает способность давать напутствие в будущее, выстраивая модель истории в дальнейшем ее развитии. Как заметит Ф. Степун, в этом проявлялась особенность морально-философской позиции Федотова, парадоксально сочетающего православные убеждения с предельной социальной обеспокоенностью революционно настроенных интеллектуалов, «христианскую веру с духом и стилем культурного рассвета начала века» [Степун, 2017, с. 276].

Согласно Федотову, Россия должна вернуться к своему месторазвитию, стать не номинальным государством-империей, а культурной нацией. На этом пути развития она осуществит духовную правду. В статье «Три столицы», опубликованной в Париже еще в 1926 г., Федотов утверждает, что культура народа вырастает из религиозных корней: «...какие бы пышные побеги и плоды ни приносило славяно-русское или турано-русское дерево, оно пьет соки земли христианской, через восточно-греческие корни» [Федотов, 1991, с. 42]. Христианство, по мнению Федотова, утверждает цельность человеческой души и мира. Но главную ценность жизни, вне зависимости от конкретного исторического момента формирования и направленности своих взглядов, Федотов всегда видит в свободе.

Не тяготеющий к сложной дискурсивной разработке теоретических понятий, Федотов рассуждает о духовном пути отдельного человека, свободе и ее ценности,

определяющем значении свободы, которая приобретена вследствие особого исторического пути, пройденного Россией. Он уточняет онтологические основания исторических событий, выясняет причины, обеспечивающие или конституирующие социальный порядок. Так, Г.П. Федотов рассматривает путь формирования национального сознания в рамках Российского государства от Древней Руси до пореволюционной России, посвящая этому вопросу и проблемам российской государственности работы середины 1920 – начала 1940-х гг.

3. Г.П. Федотов о месте России в истории

«Будет ли существовать Россия?» – задается вопросом Федотов в статье, впервые опубликованной в 1929 г. в Париже. Осмысляя судьбу России в масштабе колоссальных исторических дистанций, уже в 1930 г. он подчеркивает в «Современных записках»: царь из дома Романовых, диктатор из отрезвевших большевиков или демократический вождь – должны будут вести страну по одному пути, если хотят слушать голос истории, «слушать землю и видеть землю, изучать ее», – и называет почвоведение самой современной наукой в России. Русские патриоты, утверждает Федотов, имеют основание с тревогой смотреть в будущее: «Быть может, революция еще не дала нам испить до дна чаши национального унижения» [Федотов, 1929, с. 410]. На этот раз вопрос ставится о том, будет ли существовать Россия как Империя, как государственный союз народов, или она вернется к исходному племенному единству в старомосковских границах Великороссии.

Во второй половине 1940-х Федотов говорит лишь о возможности сохранения России как духовного существа, как народа русского, а не государства. Опубликованные в Америке его работы посвящены в основном вопросам имперского прошлого России. Однако очередной «поворот» во взглядах философа обусловлен не отказом от собственных воззрений, а оценкой происходящего в конкретном историческом периоде: Федотов преимущественно негативно оценивал советскую действительность и, наблюдая схожесть тоталитарных государств – Германии и СССР, считал усиление влияния последнего на мировой арене опасным для судьбы человечества. Эволюция советского строя, по мнению Г.П. Федотова, шла в направлении удушения свободы, что было несовместимо с построением культуры.

Находясь в эмиграции с 1925 г., Федотов пребывал в неразрывной духовной связи с отечеством, переживая его духовную судьбу как собственную. Разрешение национальных и государственных проблем России, которую он, без преувеличения, воспринимал как вневременное государство, Федотов связывал с идеальной задачей утверждения России как «Республики Софии», как «Нового Града», зиждущегося на фундаменте свободы и христианской веры. На основании прочтения работ мыслителя можно с определенностью утверждать: Федотов был убежден в том, что Россия должна и может дать своего рода исторический образец мирного существования народов.

Философско-публицистические и исторические исследования Федотова являются основанием для построения его историософской концепции, в которой формулируется, на наш взгляд, теория познания истории и восприятия исторической реальности как реальности особого порядка – целостности культуры, неразложимой на материальные и духовные объекты. История в трактовке Федотова предстает как единство исторического предания, исторической традиции и исторической преемственности – многосложных форм истории и культуры в их динамике. Согласно Федотову, жизнь человека определена его духовной сущностью, вследствие чего историческое познание становится познанием духовного бытия человека в большом времени культурной истории.

«Верифицируемые» критической рефлексией мыслителя, оценки Федотова – философа истории – во многом были подтверждены самым бескомпромиссным судьей – временем. Значимость суждений Федотова о текущей современности, как и ценность его анализа национальной истории, связаны еще и с тем, что они были даны очевидцем – свидетелем и летописцем полной драматизма эпохи, в которой Россия как будто бы сорвалась со своего духовно-культурного пути, едва не потеряв место во всемирной истории. Однако такой вариант развития для России Федотов не рассматривал, предполагая, что возвращение российской нации в ее подлинное культурное бытие в мировую историю не только возможно, но и неизбежно.

Список литературы

- Антощенко, 2011 – Антощенко А.В. «Когда любишь, тогда понимаешь все»: предисловие к публикации // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 37. С. 297–308.
- Антощенко, 2008 – Антощенко А.В. Студенческие годы Г.П. Федотова: по новым документам // Всеобщая история и история культуры / Сост. Каганович Б.С., Корсакова Н.Л. СПб.: Лики России, 2008. С. 157–168.
- Гаман, 2006 – Гаман Л.А. Некоторые аспекты интерпретации Г.П. Федотовым русской революции 1917 года // Вестн. Томск. гос. педагог. ун-та. 2006. № 1. С. 69–75.
- Жукова, 2014 – Жукова О.А. Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Согласие, 2014. 536 с.
- Жукова, 2017 – Жукова О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: ООО Изд-во «Согласие», 2017. 624с.
- Кантор, 2006 – Кантор В.К. Философия национальной самокритики (письмо С.Л. Франка Г.П. Федотову) // Вопр. философии. 2006. № 3. С. 132–143.
- Лосский, 2018 – Лосский Н.О. История русской философии. СПб.: Азбука, 2018. 608 с.
- Мень, 2018 – Мень А. Мировая духовная культура. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Men/_35.php (дата обращения: 19.12.2018).
- Нижников, 2013 – Нижников С.А. Формирование и развитие новоградской идеологии Г.П. Федотова // Пространство и время. 2013. № 2 (12). С. 47–53.
- Степун, 2017 – Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / Сост. В.К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 896 с.
- Федотов, 1929 – Федотов Г. Революция идет // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XXXVIII. Париж, 1929. URL: http://www.odinblago.ru/revolucia_idet (дата обращения: 12.12.2018).
- Федотов, 1967 – Федотов Г.П. Лицо России. Сборник статей (1918–1931 гг.). Париж: YMCA-PRESS, 1967. 328 с.
- Федотов, 2017 – Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Ломоносовь, 2017. 232 с.
- Федотов, 1996 – Федотов Г.П. Письма бл. Августина // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1 / Примеч. С.С. Бычкова. М.: Мартис, 1996. С. 51–79.
- Федотов, 2004 – Федотов Г.П. Статьи американского периода // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9 / Примеч. С.С. Бычкова. М.: Мартис, 2004. 383 с.
- Федотов, 2008 – Письма Г.П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Тэтис Паблишн, 2008. 504 с.
- Федотов, 1991–1992 – Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Сост. В.Ф. Бойков. СПб.: София, 1991–1992.
- Федотов, 1992 – Федотов Г.П. Судьба Империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2 / Сост. В.Ф. Бойков. СПб.: София, 1992. С. 305–327.
- Федотов, 1991 – Федотов Г.П. Три Столицы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 1 / Сост. В.Ф. Бойков. СПб., 1991. С. 49–64.
- Федотов, 1924 – Федотов Г.П. Абелья // Федотов Г.П. Пб.: Брокгауз – Ефрон, 1924. 157 с.
- Франк, 1990 – Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Франк С.Л. Философия и жизнь. СПб.: Д.Е. Жуковский, 1910. С. 218–259 (переизд.: Франк С.Л. Соч., М., 1990).

Luks, 1989 – Luks L. *Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns* // *Historische Zeitschrift*. 1989. Bd. 249. S. 265–294.

Setschkareff, 1939 – *Setschkareff W. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20er und 30er Jahre des XIX. Jahrhunderts*. Leipzig: Harrassowitz, 1939. 106 S.

Historian or Philosopher of History? George Fedotov about the Causes of Revolution and Mission of Russia

Julia V. Klepikova

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: jklepikova@list.ru

The paper analyzes the articles of George Fedotov published during 1918–1930 years, giving a presentation of philosophical and historical concept, its genesis and formation peculiarities; the author makes the attempt to trace scientific interest transformation path of Fedotov from historian to the political publicist and philosopher of history. The paper deals with the path of the philosopher, who appeared to be among Russian intellectuals who gone “from materialism to idealism”, and then to religious thought; the author explores the works of native and foreign researchers of Fedotov. This paper also discusses the views of George Fedotov concerning the mission of Russia and its place in historical process. The paper raises the question about opportunity to consider intellectual evolution of George Fedotov in historical and philosophical context expanding traditional biographical approach in frames of the existing discourse on his work.

Keywords: George Fedotov, philosophical essays, philosophical and historical concept, Russia, society, emigration

References

Antoshchenko A.V. «Kogda lyubish’, togda ponimaesh’ vse»: (predislovie k publikatsii) [“When You Love, then You Understand Everything”: the Preface to the Publication], *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time: the Anthology of Intellectual History], 2011, vol. 37, pp. 297–308. (In Russian)

Antoshchenko A.V. *Studencheskie gody G.P. Fedotova: po novym dokumentam* [Student Years of G.P. Fedotov: based on New Documents], *Vseobshchaya istoriya i istoriya kul'tury* [General History and Cultural History], ed. by B.S. Kaganovich, N.L. Korsakova. St.-Petersburg: Liki Rossii Publ., 2008, pp. 157–168. (In Russian)

Gaman L.A. *Nekotorye aspekty interpretatsii G.P. Fedotovym russkoi revolyutsii 1917 goda* [Some Aspects of the Interpretation by G.P. Fedotov of the Russian Revolution of 1917 year], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2006, no. 1, pp. 69–75. (in Russian)

Fedotov G. *Revolyuetsiya idet* [The Revolution Is Coming], *Sovremennyye zapiski* [Contemporary Annals], vol. XXXVIII. Paris, 1929. Available at: http://www.odinblago.ru/revolucia_idet (accessed 12.12.2018). (In Russian)

Fedotov G.P. *Litso Rossii. Sbornik statei (1918–1931)* [The Face of Russia. Collection of Articles (1918–1931)]. Paris: YMCA-PRESS, 1967. 328 p. (In Russian)

Fedotov G. *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow: Lomonosov Publ., 2017. 232 p. (In Russian)

Fedotov G.P. *Pis'ma bl. Avgustina* [Letters of St. Augustine]. In: Fedotov G.P. *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works, in 12 vol.], vol. 1, notes by S.S. Bychkov. Moscow: Martis Publ., 1996, pp. 51–79. (In Russian)

Fedotov G.P. *Abelard*. St.-Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1924. 157 p. (In Russian)

Fedotov G.P. *Stat'i amerikanskogo perioda* [Articles of the American Period]. In: Fedotov G.P. *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works, in 12 vol.], vol. 9, notes by S.S. Bychkov. Moscow: Martis Publ., 2004. 383 p. (In Russian)

Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*, v 2 t. [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture], in 2 vol. St.-Petersburg: Sofia Publ., 1991–1992. (In Russian)

Fedotov G.P. *Sud'ba Imperii* [The Fate of Empires]. In: Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*, v 2 t. T. 2 [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture] in 2 vol., vol. 2. St.-Petersburg: Sofia Publ., 1992, pp. 305–327. (In Russian)

Fedotov G.P. *Tri Stolitsy* [Three Capitals]. In: Fedotov G.P. *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury*, v 2 t. T. 1 [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture], in 2 vol., vol. 1. St.-Petersburg: Sofia Publ., 1991, pp. 49–64. (In Russian)

Frank S.L. *Etika nigilizma* (K kharakteristike nravstvennogo mirovozzreniya russkoi intelligentsii) [Ethics of Nihilism (On the Characteristics of the Moral Worldview of the Russian Intellectuals)]. In: Frank S.L. *Filosofiya i zhizn'* [Philosophy and Life]. St.-Petersburg: D.E. Zhukovsky Publ., 1910, pp. 218–259 (reprint: Frank S.L. Works. Moscow: 1990). (In Russian)

Kantor V.K. *Filosofiya natsional'noi samokritiki* (pis'mo S.L. Franka G.P. Fedotovu) [The Philosophy of National Self-Criticism (Letter from S.L. Frank to G.P. Fedotov)]. *Voprosy filosofii*, 2006, no. 3, pp. 132–143. (In Russian)

Losskii N.O. *Istoriya russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy]. St.-Petersburg: Azbuka Publ., 2018. 608 p. (In Russian)

Luks L. *Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns*, *Historische Zeitschrift*, 1989, Bd. 249, pp. 265–294. (In German)

Men' A. *Mirovaya dukhovnaya kul'tura* [World Spiritual Culture]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Men/_35.php (accessed 19.12.2018). (In Russian)

Nizhnikov S.A. *Formirovanie i razvitie novogradskoi ideologii G.P. Fedotova* [Formation and Development of the Novograd's Ideology of G.P. Fedotov], *Prostranstvo i vremya* [Space and Time], 2013, no. 2 (12), pp. 47–53. (In Russian)

Pis'ma G.P. Fedotova i pis'ma razlichnykh lits k nemu. *Dokumenty* [Letters of G. P. Fedotov and Letters of Various Persons to Him. Documents]. In: Fedotov G. *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works, in 12 vol.], vol. 12. Moscow: Tethis Publishn Publ., 2008. 504 p. (In Russian)

Setschkareff W. *Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20er und 30er Jahre des XIX. Jahrhunderts*. Leipzig: Harrassowitz, 1939. 106 s.

Stepun F.A. *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works], ed. by V.K. Kantor. Moscow; St.-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. 896 p. (In Russian)

Zhukova O.A. *Filosofiya russkoi kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii* [The Philosophy of Russian Culture. Metaphysical Perspective of Man and History]. Moscow: Soglasie Publ., 2017. 624 p. (In Russian)

Zhukova O.A. *Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. Kul'turnyi kapital. Russkaya kul'tura i sotsial'nye praktiki sovremennoi Rossii* [Selected Works on the Philosophy of Culture. Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices of Modern Russia]. Moscow: Soglasie Publ., 2014. 536 p. (In Russian)